

РАБОЧИЙ ХУДСОВЕТ

ЧАСТО ли вы ходите со своим ребенком в театр? Наверное, не каждый сможет ответить на этот вопрос удовлетворительно. Подходит к концу Международный год ребенка, но проблемы детства остаются. Многие ленинградцы уже знакомы с той большой работой, которую проводит Совет взрослых Ленинградский ТЮЗ. Семейные абонементы, уверенность для родителей при дворце работников искусства имени Н. С. Станиславского, работа с активом родителей и учителей.

Зачем нужен взрослый зритель детскому театру — об этом размышляют сегодня главный режиссер Ленинградского театра юных зрителей З. Я. Коргодский, критик В. В. Иванов и рабочий объединения «Скорород» Анатолий Белов — отец четырнадцатилетнего сына.

ГЕРОЙ - В ЗАЛЕ

КРИТИК: Когда я вижу, как Ленинградский театр юных зрителей работает с родителями и педагогами, то думаю, что он отчетливо понимает узкий, автономный разговор с юным зрителем сейчас невозможен. Необходимо договориться с родителями и учителями — что же воспитывать? Это только кажется, что все нравственные истины давно известны, а между тем каждая из них усваивается нами вновь, проверяется временем и обстоятельствами.

Каждому взрослому сегодня приходится решать очень сложную задачу. Хватит сил и времени для того, чтобы одеть, накормить ребенка, даже учить его музыке или иностранному языку. А вот разговаривать с ребенком не все успевают. Порой самая важная часть воспитательного процесса в семье почти отсутствует.

ОТЕЦ: В семье, где один ребенок — а таких, по-моему, сейчас большинство, — родителям приходится трудно. Потому что кроме своих ролей — отца, матери, — надо приглядывать и роли старших сестер, братьев. Но, бывает, поддерживать контакт трудно. Наваливается усталость, и ты себя отключаешь. А в это время включается телевизор. Подчас ребенок попадает между хоккеем и домашними заботами родителей в довольно жесткие тиски.

КРИТИК: Театр сегодня иной раз становится местом, где сын, дочка наконец-то встретились с отцом и матерью, чтобы пережить что-то вместе и найти ту ниточку взаимопонимания, которая им так необходима. Логической информации каждый член семьи получает много, а вот эмоциональной информации, которая объединяет людей, крайне мало. Эта задача сегодня есть осуществление одного из направлений программы ТЮЗа.

РЕЖИССЕР: Еще совсем недавно самой настоящей сферой влияния, безраздельным хозяином ребенка была школа. Воспитание поручалось школе,

Она боролась с неполноценностью семьи, корректировала влияние массовых коммуникаций, стояла на пути дурного влияния улицы...

ОТЕЦ: И родители надеялись на школу...

РЕЖИССЕР: Да, но нельзя передоверить провинциальным учреждениям: ведь ребенок, его будущее, его счастье больше всего волнуют родители. И поэтому прежде всего за ребенка отвечает семья. Мы очень рано «терлем» детей. И не потому, что мы плохи, и не потому, что дети плохи, а потому, что мы не умеем быть вместе. И как важно, чтобы семья осознала возможность искусства театра и воспользовалась им! Отсюда возникли семейные абонементы ТЮЗа; мы предлагаем посещать спектакли вдвоем, втроем, вчетвером, впятером... Театр стал местом доброго свидания взрослых с детьми.

Театральную атмосферу взрослые обогащают. Ребенок, который сидит рядом со своим папой или мамой, становится потенциально богаче как зритель. Он начинает уважать себя, а когда маленький человек уважает себя, быстрее раскрываются все его способности. Это момент молчаливого сближения. Старшие передают серьезность, тон уважения. И театру, опыт культуры поведения, младшие — непосредственность восприятия. Когда взрослые приходят на спектакль со своими детьми, происходит то самое общение, дефицит которого детство, отрочество и юность переносят очень болезненно.

ОТЕЦ: Вы знаете, я сейчас вспомнил гедда из деревни в Архангельской области, где я родился. Он говорил так: «Что все увидяются — молодежь не узнала! Чтобы своего малого узнать можно было, его до семнадцати годов из семьи выпускать нельзя — слаб еще». Верно говорил. Связь с родными, с семьей ничем не заменишь. И если театр берет за помощь семье укрепиться — это благородное дело. Только трудное очень. Ведь сколько людей, столько характеров и привычек. Ведь иной отец готов скорее в гущине на улице дежурить, чем заниматься дома со своим же лацаном...

Моему сыну четырнадцать лет. И

сейчас он вступает, как и всякий в его возрасте, в очень трудную пору осознания своего «я». Думаю, общение с театром для него очень важно. Но, честно говоря, выбрать спектакль мне трудно...

РЕЖИССЕР: Ребенок, которому сегодня десять лет, — это совсем не десятилетний ребенок пять лет назад. Сегодняшний — совершенно другой. Очень важно учитывать эту динамику. Между тем представление о детях у взрослых подчас довольно условное: маленький еще. А ведь школьник, зритель театра, это уже человек с опытом жизни в колледже. Он нудается в уроках гражданского чувства.

КРИТИК: Проблема повзросления ТЮЗа вызвана реально происходящей акселерацией. Кроме того, дети сегодня окружены иным уровнем информации. Мы не можем «охранить» по возрасту юного зрителя от всевозможных впечатлений: сегодня он — рослый, развитый — свободно попадает на вечерний спектакль в любой театр. И я считаю, что охранять его от серьезной и острой постановки вопросов не надо. Спектакли ТЮЗа «Думая о нем», «Остановите Малахова!», «Ночь после выпуска» предлагают зрителю прямой разговор о важных социальных вопросах. И не удивительно, что обсуждения их проходят всегда очень активно. Зал загорается, потому что задеты очень важные для каждого проблемы.

РЕЖИССЕР: Конечно, ведь высокое чувство гражданственности пробуждается не на пустом месте. Сначала надо воспитать чуждость, доброту, отзывчивость, воспитать то, что называется «умным сердцем». Неумное сердце не дозреет до осознания гражданского долга! Гражданская линия театра — это не только «Гибель эскадры», «Горячий камень», «Думая о нем», но и «Тимми — ровесник мамонта», «Бэмби», «Радуга зимой», потому что они дают уроки человечности, на которых вырастает патриотизм, долг, самоотверженность.

ОТЕЦ: Когда я был на спектакле «Ночь после выпуска», то попал на обсуждение. На сцену пришло несколько записок от взрослых зрителей, несогласных кое с чем в самом спектакле. Помните?

РЕЖИССЕР: Эти конфликты возникают обычно из-за разного отношения к правде. Об всем ли можно говорить с детьми? Взрослые очень часто пугаются правды на сцене, в них срывается охранительный механизм, им кажется, что детям это рано, они еще маленькие. Дети же требуют честного разговора. Они чувствуют ханжество и благодарны за доверие и правду. Главное — очень точно определить, что сейчас нужно ребенку. — вот с этой точки зрения и решается вопрос что «можно».

КРИТИК: А я считаю, что театру надо быть острее. В семье родители оберегают ребенка от эмоциональных потрясений. Такая же тенденция существует и в школе. Даже в преподавании литературы эмоциональные моменты заменяются пониманием. В результате у нас получается к пятнадцати годам разбитый, умный, но довольно бесчувственный субъект. Мне иной раз кажется, что и вы в целом ряде эмоциональных моментов щадите нервы вашего зрителя. Я очень люблю спектакль «Остановите Малахова!» — нужный, серьезный, острый. Но когда я смотрю,

как играют мать, отца и учительницу, мне кажется, что настоящего потрясения, изумления перед тем, как человек разрушает чужую судьбу, не представляя, что он разрушитель, нет. Это решено только на уровне простого узнавания персонажей. А ведь чем острее поставлены вопросы, чем больше доверия к зрителю, тем выше уровень социального оптимизма театра.

ОТЕЦ: Согласен. А искусственная изоляция ребенка от правды — это игра в поддавки. Мы как бы сознательно замедляем его рост. А нам нужно как можно раньше приобщать его к гражданским, социальным проблемам, к реальной жизни. Кстати, я заметил, что обычно ваши противники среди взрослых в зале говорят о том, что театр должен воспитывать на положительном примере, а не показывать неприятные стороны жизни.

РЕЖИССЕР: Конечно, сила воздействия положительного героя огромна. Но вот в «Остановите Малахова!» нет положительного героя, а осуждение спектакля с ребятами говорит о таком высоком уровне позитивного чувства, что радуешься за них. Они не хотят подражать Андрею Малахову и не хотят соглашаться с его искаженной судьбой. В них ощущается такое стремление жить достойно, что, я думаю, не герой определяет меру воздействия, а пафос произведения.

КРИТИК: Вы неправы, когда говорите, что в «Остановите Малахова!» нет положительного героя...

РЕЖИССЕР: Он — в зале!

КРИТИК: Нет, он и на сцене. Актер, играющий Малахова, несет в себе невероятные возможности этого человека. На сцене мы видим парня с очевидным человеческим обаянием, которое искажено обстоятельствами. Поэтому и состоится гражданственное обсуждение спектакля, и изымается положительный смысл. В этом мощь и сила театра. Что же касается «мониторингового» положительного героя, то это печальный предрасудок. Опыт истории театра показывает, что такой голубой положительный герой не воспринимается. Он нереальный, неживой человек. Если не прожит путь нравственно совершенствования, зрителю нечему научиться у героя. Когда зал видит на сцене исключительную личность, совершающую замечательные поступки, невольно приходит мысль: но мы-то не такие...

ОТЕЦ: Недогодаемый герой — недосягаем. Я, зритель, должен верить в свои собственные возможности, а не надеяться на эту исключительную личность.

РЕЖИССЕР: Театр дает возможности. Ребенку прожить еще не прожитое, обогатить нравственный опыт. Больше всего меня волнует герой, находящийся в зале. Он — будущий герой жизни.

ОТЕЦ: ТЮЗ воспитывает его. Но, наверное, взрослый не может передоверить это дело театру, как в свое время передоверял школе. Он должен участвовать в нем сам. Во всяком случае за меня теперь можете положиться.

Подготовила и публикация И. ЕРКАЛОВА